

DOI: 10.31861/pytlit2018.98.342

УДК 82.0

**ЖАНР „ВЗГЛЯД” И ЕГО МОДИФИКАЦИЯ:
МОНОГРАФИИ О. В. БОГДАНОВОЙ И Л. Г. ФРИЗМАНА
В КОНТЕКСТЕ МОНОГРАФИЙ Е. М. ВАСИЛЬЕВА,
Т. И. ГУНДОРОВОЙ, Б. Ф. ЕГОРОВА, В. Б. МУСИЙ И ДР.**

Луиза Константиновна Оляндэр

orcid.org/0000-0001-8744-4568

olk32@ukr.net

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой

Кафедра славянской филологии

Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки

Ул. Винниченко, 30А, 43025, г. Луцк, Украина

Аннотация. На материале книг О. Богдановой, Л. Фризмана и др. рассмотрена модификация жанра *взгляд* в связи с обновлением научного нарратива в русском и украинском литературоведении начала XXI века. Правомерность рядоположения монографий для их жанрового анализа обосновывается двумя факторами: 1) жанр *взгляда* обозначен самими авторами – а) непосредственно (О. Богданова, Л. Фризмман), б) выбор обусловлен тем, что жанр монографий О. Богдановой и Л. Фризмана определен как *взгляд* самими авторами, а в работах Е. М. Васильева, Б. Егорова, В. Мусий его жанровые признаки чётко выявляются непосредственно в качестве их дискурса; 2) жанр *взгляда* определяется – а) наличием жанровых признаков непосредственно в самом дискурсе (Е. М. Васильев, Т. Гундорова, Б. Ф. Егоров, И. В. Козлик, В. Б. Мусий, А. А. Степанова и др.), б) имплицитно (С. М. Козначеев). Акцентируется связь *критики с человеческим опытом* (М. Мамардашвили), усиление во *взгляде* личностного видения, вбирающего в себя соответствующий опыт поколения. Отмечается, что, например, в случае Т. Гундоровой *Я-автора* – предстает в образе философа, осмысляющего постчернобыльское художественно-философское мировоззрение.

Ключевые слова: ассоциация, взгляд, диалог, жанр, дискурс, нарратив, свой / чужой.

В десятые годы XXI века, претерпев определенную модернизацию, после долгого перерыва вновь активизировался и предстал во всем своем многообразии жанр *взгляда*, однако уже не только в критике, но и в академическом литературоведении. Отсюда выплывает и цель статьи, состоящая в том, чтобы рассмотреть и обозначить жанровую модификацию *взгляда* в современном русском и украинском литературоведении.

В основу исследования положены монографии „Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.” (2017) О. В. Богдановой и „Иван Франко: взгляд на литературу” (2017) Л. Г. Фризмана с привлечением для анализа таких ярких монографий, как „Сучасна драматургія: жанрові трансформації, модифікації, новації” (2017) Е. М. Васильева, „Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм” (2013) Т. И. Гундоровой, „От Хомякова до Лотмана” (2003) Б. Ф. Егорова, „Образ «своего», «иногo», «чужого» в русской прозе первой половины XIX века” (2011) В. Б. Мусий и др.

Выбор обоснован тем, что жанр монографий О. Богдановой и Л. Фризмана определен как *взгляд* самими авторами, а в работах Е. Васильева, Б. Егорова, В. Мусий его жанровые признаки чётко обнаруживаются непосредственно в их дискурсе. Это же относится и к монографии Т. Гундоровой. Хотя исследовательница и определяет ее жанр как „рецензию с комментариями”, но по всем характеристикам – это *взгляд*.

Актуальность статьи вызвана необходимостью „изучать жанры, приемы изложения, стиль научных трудов”, „раскрывать содержательность научных форм”, о чем говорилось еще в книге Б. Егорова „О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция” (1980) [5]. Постановка проблемы подсказана статьей М. Мамардашвили „Литературная критика как акт чтения” („Как я понимаю философию”, 1992) и монографией Е. Васильева „Сучасна драматургія: жанрові трансформації, модифікації, новації” (2017), где явственно обнаруживается активность смыслообразующей роли жанра [3].

Акцент мысли М. Мамардашвили на связи *критики с человеческим опытом* [11, с. 155] определяет утверждение, что в жанре *взгляд*, в его современном виде, этот опыт – личный, но

вбирающий в себя опыт поколения – не только проЯвляется, но и намеренно обнажается самими авторами. Однако проЯвление личностного начала может быть не столь выразительным, даже латентным, обнаруживая себя независимо от того, содержится или нет слово *взгляд* как жанровое определение непосредственно в заглавиях современных монографий (Богданова, Фризман). Присутствуя имплицитно в таких названиях, как „Современные русские поэты” (2006) С. М. Козначеева, в сознании реципиента оно легко трансформируется во „Взгляд на современных русских поэтов” [8]. Правомерность такой трансформации подтверждается спецификой структуризации текста, превращающей его в *обзор* большого художественного материала определенной эпохи, и прямым указанием на личностное видение, правда, всегда с дополнительной задачей. Так, Е. Васильев, теоретическая мысль которого ориентируется на максимальный охват пространства современной драмы, употребляя глаголы: *оглядаемо картину, спробуємо подивитись* – понуждает и реципиента к обзору этого драматургического пространства. Подобное наблюдается и у А. Степановой, выводящей своего читателя на „времяпространство” фаустовской культуры и философское осмысление исторической судьбы Европы [13], и у В. Мусий [12].

Т. Гундорова достигает этой цели иначе: она позиционирует свое видение. Констатируя: „Для мене така оповідь і є пост-апокаліптичним постмодерним нарративом”, – исследовательница тем самым стимулирует интеллектуальную активность реципиента и призывает его к продуктивному диалогу. Охватывая своим *взглядом* художественно-философские пространства *своего* и *чужого*, Т. Гундорова наводит между ними мосты взаимопонимания. Книга автора, ориентированная на осознание *Себя* и *Своего*, т. е. на осознание национальной идентичности, и понимание *Чужого* / *Иного*, обращает внимание на суть переключек, происходящих между литературами других народов. На это указывают ассоциативные связи, возникающие в рядоположении уже самих названий – а вслед за ними и мировоззренческих концепций произведений – „Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм” и „Вавилонская библиотека” Х. Л. Борхеса. Аналитическое прочтение гундоровской монографии

позволяет установить ее метатекстуальный пласт. Его осмысление со всей очевидностью дает возможность представить диалогические отношения между апокалипсическим восприятием мира Х. Л. Борхесом и украинскими писателями-постмодернистами – Ю. Андруховичем, Ю. Издриком, Б. Жолдаком и др., – мировосприятие которых во многом обосновано самим характером атомной эпохи, в чем убеждают их глубоко проанализированные Т. Гундоровой индивидуальные дискурсы.

Уже сама необычность предисловия, „Вступного слова”, с первых слов свидетельствует о том, что в книге будет представлен *взгляд на* литературное явление в целом, но не исключающий личное видение: „Кожен має своє уявлення про постмодернізм. Я бачу його відлік від 1946 року” [4, с. 7], – акцентированное слегка, не авторитарно, но уверенно. Словосочетание: „кожен має своє уявлення”, – заслуживает своего внимания. Оно не является релятивистским утверждением: *релятивизм* не предполагает диалога, а Т. Гундорова активизирует диалог, имея для этого все основания. Ведь прав был А. Лосев, говоря: „Во всяком предмете – бесконечное количество сторон” [10, ч. III]. Надо отметить, что взгляд Т. Гундоровой в определенной мере согласуется и с позицией Р. Громяка, который поддерживал плюралистические тенденции, исходя из гетерогенного подхода, настаивал на потребности „обновления методологических основ критической мысли, возвращения аналитического сознания на позиции объективного историзма” [9, с. 5]. Этому же принципу следовал в свое время и С. Бураго, отстаивая „живое развитие смысла” [2, с. 208].

Если исходить из определения петербургского профессора Ермичёва А., что философия – „это осмысленное мировоззрение... Сколько людей, столько мировоззрений” (см.: [7]), то *взгляд* Т. Гундоровой – как автора-нарратора – входит в поле философского осмысления мира, что доказывает монография „Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм”. Тут уже само заглавие как претекст определяет ракурс видения: место и время, т. е. хронотоп, который во многом определяет мировоззренческую позицию. Не случайно названы – как точка отсчета – переломный в литературе 1946 г., гротеск

Я. Гниздовского и „разговор” В. Петрова (Бера) о новой эпохе раскаленного разума [4; с. 7].

Саме художнє мислення, з яким для мене асоціюється постмодернізм кінця ХХ століття, – пише Т. Гундорова, – пов’язано з творчістю американського письменника Джона Барта, який 1996 року назвав постмодернізм „ендизмом”. „Закінчення, закінчення повсюдно: апокаліпсиси великі та маленькі”, – іронізував він і запрошував „закінчити закінчення”. Формою такого „закінчити закінчення” для Барта стала нарація, оповідь, що з перспективи закінчення „відкладає кінець” (курсив мой. – Л. О.) [4, с. 7].

Последующий анализ нарративной организации научного текста показывает, что предыдущие абзацы – это рассказ о пути прихода не только к теме, но и к базовым положениям (прежде всего – карнавализации литературы), на которые опирается авторская концепция, сжато сформулированная еще во „Вступному слові”:

Моя книжка про постмодернізм, – говорить Т. Гундорова, – є післячорнобильською бібліотекою. У моєму розумінні постчорнобильська бібліотека є метафоричним образом водночас загроженої та збереженої культури, що, як ковчег, музей, храм, список, є мостом між реальним життям і фікцією, між минулим і майбутнім, між *своїм* і *чужим*, між грою і апокаліпсисом, між високою та масовою культурою [4, с. 8].

И это определение, и подчеркнутая акцентуализация личного начала у „Вступному слові”: „Я бачу” – „...для мене асоціюється” – „...для мене так оповідь...” – „Моя книжка” – „...я також переконана” – „мені йшлося про те...” – все это исполнено большого смысла, ибо своим видением исследовательница, таким образом, не только вписывается в мировой контекст литературоведческой мысли, но и, что не менее важно, задает реципиенту необходимый ракурс для прочтения и адекватного восприятия основного текста книги. И лишь иногда ученый личное местоимение единственного числа *Я* заменяет на множественное – *Мы*. Интересные размышления о характере русского *Мы* у Б. Егорова [6, с. 15]. Можно утверждать, что *Я-автора* у Т. Гундоровой приобретает мемуарный оттенок, поскольку в нем

слышится отголосок личного духовного опыта. Вместе с тем в гундоровском *Я* предстает не просто субъективный философ, а философ, который, говоря словами А. Ермичёва, осмысляет постчернобыльское художественно-философское мировоззрение.

Итак, упомянутые современные монографии несут в себе ярко выраженные черты взгляда, но не определяются самими авторами как жанр взгляда. Может показаться, что указание на жанр – дело формальное, ибо и без этого все ясно. Но это не совсем так. Оказывается, жанровое определение несет добавочные смысловые оттенки. Так, заглавие монографии О. Богдановой – „Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв. (Классика в новом прочтении)” – в своем подтексте содержит полемику с В. Белинским, критика которого во многом определила установившиеся взгляды на классическую литературу. О. Богданова уже этим организует диалогическую атмосферу. Слова И. С. Тургенева, вынесенные в заголовок к статье о его романе: „Кто тут прав, кто виноват <...> решать не берусь”, – не только в какой-то мере проясняют намерения автора монографии, но и утверждают, что окончательной трактовки художественного произведения на все времена давать не следует. По признанию самой О. Богдановой, ее позиция – *активное соучастие* в непрерывном столетнем диалоге голосов. Разными путями, создавая атмосферу полифонии, исследовательница включается „в разговор” и раскрывает свое видение проблемы. Соглашаясь, возражая, выдвигая новые идеи и оттеняя смыслы, О. Богданова бросает свой луч прожектора (взгляд), который, порой, пересекаясь с другими лучами, образует в фокусе объемное видение изображенной писателем действительности.

Откликаясь на существующие восприятия не случайно избранных для рассмотрения произведений, обоснованно утверждая новое видение и результаты, полученные в ходе детальнейшего анализа, О. Богданова побуждает компетентного реципиента активизировать свое *научное воображение* и быть готовым к творческой дискуссии, к дальнейшему развитию литературоведческой мысли. Этот реципиент должен быть сведущим в том многом, что скрывается за обобщенным: „сложилась устойчивая ...традиция восприятия” [1, с. 6]. Эту направленность своей работы

О. Богданова, называя ее *генерированием мысли*, осуществляет с помощью (квази)молчащих лакун, создающих *поле в пространстве* между *статьями / главами* о репрезентативных текстах – А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Островского, И. Тургенева, А. Чехова, М. Горького, снова А. Чехова, И. Бунина. Образуя достаточно длинную паузу и создавая тем самым межтекстовое *времяпространство* (термин М. М. Бахтина) для пробуждения *научного воображения* у реципиента, лакуны заставляют опираться на собственный тезаурус и становиться не только участником диалога, но, в определенной мере, и „соавтором” монографического текста.

Однако интересно то, что тургеневское: „Кто тут прав, кто виноват <...> решать не берусь” входит в парадигматические отношения с пушкинскими словами: „«Наше описание вернее» (А. С. Пушкин): образы Петра и бедного Евгения в «Медном всаднике»”. Вынося их в название статьи / главы, О. Богданова создает атмосферу *игры* взглядов: *взгляда* Пушкина, воплощенного им в „Медном всаднике”, общепринятого *взгляда* пушкинистов и *своего* контroversного *взгляда* на эту поэму. Но одновременно она деликатно дает понять, что и ее понимание тоже может быть вернее. И если О. Богданова, целенаправленно стремясь к объективности, только лишь намекает на свое авторское присутствие в тексте, то Л. Фризман намеренно подчеркивает это присутствие, ведя повествование от первого лица: „Я выскажу мысль”, „Я не буду цитировать”, „... мы располагаем...”, „вряд ли ошибусь...” и т. д.

Функциональная и смыслообразующая роль авторского *Я* разнообразна: оно выражает личное мнение, стимулирует мысль реципиента, призывает к совместному, коллективному осмыслению вопроса. Иногда, к примеру, фризманское *Я* поясняет „ошибочность” суждений И. Франко временем и сложностью поиска необходимых сведений:

Сегодня иные комментарии к пушкинским стихам могут вызвать снисходительную улыбку. Но нужно помнить, – пишет он, – не только о том, как продвинулось пушкиноведение за сто лет, но и о том, какие жалкие обломки даже тогдашних представлений и сведений доходили до Галиции [14, с. 372].

В результате подобных оговорок заслуга И. Франко возрастает, поскольку ассоциативно подставляется иная конструкция: „не смотря на... сумел”. Здесь, как и у О. Богдановой, значимым становится слово *сегодня*, которое указывает на необходимость не упускать из виду фактор времени. Иными словами, Л. Фризман предлагает читателю самому взглянуть на статью И. Франко, учитывая минувшие обстоятельства, т. е. место и время. Л. Фризман не просто анализирует концептуальные положения великого Каменяра, он *показывает* его и тем самым поступает по-франковски.

Одной из замечательных страниц фризманской монографии является анализ отношения И. Франко к А. Пушкину. При рассмотрении франковских взглядов на литературу в целом, в том числе и на творчество отдельных писателей, у Л. Фризмана отсутствует – как влияющая на нарратив – парадигма: *прав – неправ*. Так, упомянув о низкой оценке М. Пархоменко, данной предисловию И. Франко к пушкинским драмам („статья ниже уровня, на котором стоят лучшие работы Франко о русской литературе и русских писателях” [14, с. 372]), – Л. Фризман не выступает с опровержением. Он действует иначе, предлагая читателю самому посмотреть не франковский „життепис” А. Пушкина.

Сравнивать эту статью с другими я не стану, – пишет Л. Фризман, – но представление о ней постараюсь дать. То, что статья Франко о Пушкине **не похожа** на его статьи о других писателях, – это чистая правда. Если в статьях о Тургеневе, Щедрина, Успенском и других писателях Франко **рассказывал** об их произведениях, то здесь он их **показывает**. Значительная часть статьи – это переводы – полностью или с сокращениями – тех стихотворений, которые ее автор считает ключевыми. Переводы и делались в процессе написания статьи – каждый сопровождается подстрочным примечанием с указанием даты, когда сделан [14, с. 372].

Нарративная особенность этого фрагмента состоит в том, что выделенные автором опорные слова передают логику и суть его: **не похожа – рассказывал – показывает**.

Заглавия книг О. Богдановой и Л. Фризмана рассматриваются в их взаимодействии с названиями глав и эпиграфами к ним, что

в аспекте жанра *взгляд* становится претекстом с его смыслообразующими функциями.

Как известно, *взгляд* как жанр критики был популярен в первую половину XIX в. Это статьи / *взгляды* А. Бестужева, неоконченный „Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина” П. Вяземского и – как новый этап – статьи „сменившего их В. Белинского” (Л. Гинзбург). Приближенной к жанру *взгляд* предстает статья А. Дружинина „А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений” (1865). Затем интерес к нему угас. Вынося слово *взгляд* в заглавия своих монографий, О. Богданова и Л. Фризмэн тем самым утверждают его „возрождение”.

Только на первый взгляд книги О. Богдановой и Л. Фризмэна в жанровом отношении соотносятся с традиционной разновидностью критического обзора, где акцентируется субъективно-индивидуальное видение предмета. Оба исследователя, используя смыслообразующие и не до конца реализованные жанровые возможности *взгляда*, существенно модернизируют именно его, превращая в жанр литературоведения. Обновление осуществляется ими, как и другими, упомянутыми здесь авторами, благодаря синтезу личностного характера высказывания со строгим академическим анализом, осуществляемым на фундаменте современных методологий; при этом в сознании реципиента одновременно активизируется мысль о полифонических свойствах литературного процесса.

Наше изложение подходит к своему завершению, но в качестве итога затронем еще один важный аспект, также требующий аналитического освещения: помимо сказанного, проанализированные в статье монографии свидетельствуют и о том, что само понятие литературного процесса, осознаваемого как сложная и саморазвивающаяся система, в перспективе времени не остается неизменным, в застывшей парадигме его дефиниций, а постоянно обогащается в процессе нового восприятия. Так, книга-взгляд О. Богдановой дает возможность представить литературный процесс как полифонический континуум. Книга Т. Гундоровой также свидетельствует о полифонии литературных процессов, происходящих в разных национальных литературах, о многоголосии художественно-философских картин мира, размышлений о ценностях бытия и т. д. Книга Е. Васильева говорит не только

о диалектическом изменении драматургических жанров на разных этапах литературного процесса – исследователь и сами жанры-драмы представляет как форму осознания человеком Бытия и самого себя в нем. А усложненный Л. Фризманом в своей структуре и внутренних системных связях жанр *взгляда*, позволяющий раскрыть литературу в совмещении разных временных ракурсов (в частности, и с позиций И. Франка, и с позиций современного литературоведения), убеждает в том, что художественное произведение – это некая модель действительности, а не только ее отражение. Да, модель содержит в себе авторское отражение жизненных процессов, но она обладает и собственной самостоятельностью, становясь рецептивным объектом для различных эпох и национальных пространств.

Наконец, по нашему глубокому убеждению, все эти проблемы полезно рассматривать с учетом концептуальных положений, содержащихся в монографии „Професія крізь призму людяності” И. Козлика, который, создавая портреты выдающихся литературоведов современности – М. Теплинского, Ю. Султанова, О. Чичерина, М. Гиршмана, Н. Копыстянской, Р. Громяка, С. Павличко, бросает именно аналитический *взгляд* на развитие теоретической мысли – это тоже мировоззренческий акт. Кроме того, было бы продуктивным в дальнейшем рассмотреть модифицированные жанровые формы *взгляда* с учетом положений О. Червинской, изложенных в таких работах, как „Рецептивна поетика. Історико-методологічні та теоретичні засади” (2001) [16] и „Аргументи форми” (2015) [15], т. к. необходимость выяснения факторов, которые аргументируют какую-либо из конкретных жанровых форм, – сегодня очевидна. Таким образом, авторское Я в нарративах современных литературоведческих исследований, обладая разносторонней смыслообразующей функцией, играет специфическую роль не только в коммуникативном процессе как таковом, но и в углубленном понимании исследователями самого факта жизнестойкости художественного произведения как в сознании человечества, так и самопознании каждой отдельной рефлектирующей личности.

1. *Богданова О. В.* Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв. / О. В. Богданова. – Санкт-Петербург : ИПК Береста, 2017. – 560 с.
2. *Бураго С. Б.* Набег язычества на рубеже веков / С. Б. Бураго. – Киев : Изд. Дом Дмитрия Бураго, 2013. – 672 с.
3. *Васильев С. М.* Сучасна драматургія: жанрові трансформації, модифікації, новації / С. М. Васильев. – Луцьк : Твердиня, 2017. – 532 с.
4. *Гундорова Т. І.* Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм / Т. І. Гундорова. – Київ : Критика, 2013. – 344 с.
5. *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция / Б. Ф. Егоров. – Ленинград : Сов. писатель, 1980. – 316 с.
6. *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана / Б. Ф. Егоров. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 363 с.
7. *Ермичѳв А. А.* О природе русской философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=9PLsbJ58GeM>.
8. *Казначеев С. М.* Современные русские поэты / С. М. Казначеев. – Москва : Институт бизнеса и политики, 2006. – 304 с.
9. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром’як, Ю. І. Ковалів, В. І. Теремко. – Київ : ВЦ „Академія”, 1997. – 752 с.
10. *Лосев А. Ф.* Жизнь (Повести, рассказы, письма) [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев. – Санкт-Петербург : Изд-во АО „Комплект”, 1993 – Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/LOSEW/life.txt>.
11. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – Москва : Прогресс, 1992. – 415 с.
12. *Мусий В. Б.* Образ „своего”, „иного”, „чужого” в русской прозе первой половины XIX века / В. Б. Мусий. – Одесса : Астропринт, 2011. – 168 с.
13. *Степанова А. А.* Поэтология фаустовской культуры. „Закат Европы” Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. / А. А. Степанова. – Днепропетровск : Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля, 2013. – 496 с.
14. *Фризман Л.* Иван Франко: Взгляд на литературу / Л. Фризман. – Киев : Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2017. – 608 с.
15. *Червінська О. В.* Аргументи форми : монографія / О. В. Червінська. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2015. – 384 с.
16. *Червінська О. В.* Рецептивна поетика. Історико-методологічні та теоретичні засади : навч. посібник / О. В. Червінська. – Чернівці : Рута, 2001. – 56 с.

**ЖАНР „ПОГЛЯД” І ЙОГО МОДИФІКАЦІЯ:
МОНОГРАФІЇ О. В. БОГДАНОВОЇ І Л. Г. ФРІЗМАНА
В КОНТЕКСТІ МОНОГРАФІЙ Є. М. ВАСИЛЬЄВА,
Т. І. ГУНДОРОВОЇ, Б. Ф. ЄГОРОВА, В. Б. МУСІЙ ТА ІН.**

Луїза Костянтинівна Оляндер

orcid.org/0000-0001-8744-4568

olk32@ukr.net

Доктор філологічних наук, професор, завідувача кафедрою

Кафедра слов'янської філології

Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки

Вул. Винниченка, 30А, 43025, м. Луцьк, Україна

Анотація. На матеріалі книг О. Богданової, Л. Фрізмана та ін. розглянуто модифікацію жанру *погляд* і оновлення в ньому наукового нарративу в російському та українському літературознавстві. Правомірність вибору монографій для їхнього жанрового аналізу обґрунтовується двома факторами: 1) жанр *огляду* вказаний самими авторами а) безпосередньо (О. Богданова, Л. Фрізман); б) вибір зумовлений тим, що жанр монографій О. Богданової і Л. Фрізмана визначено як *огляд* самими авторами, а в працях Є. М. Васильєва, Б. Єгорова, В. Мусій його жанрові ознаки чітко виявляються безпосередньо як їх дискурс; 2) жанр *огляду* визначається а) наявністю жанрових ознак безпосередньо в самому дискурсі (Є. М. Васильєв, Т. Гундорова, Б. Ф. Єгоров, І. В. Козлик, В. Б. Мусій, А. А. Степанова и др.); б) імпліцитно (С. М. Козначєєв). Акцентовано зв'язок *критики з людським досвідом* (М. Мамардашвілі), підсилення в *погляді* особистісного бачення, що увібрало в себе відповідний досвід поколінь. Зазначається, що *Я-автора* Т. Гундорової – це філософ, який осмислює постчорнобильське художньо-філософське світосприйняття.

Ключові слова: асоціація, погляд, діалог, жанр, дискурс, нарратив, свій / чужий.

**THE GENRE OF “VIEW” AND ITS MODIFICATIONS:
THE MONOGRAPHS BY O. V. BOGDANOVA AND L. G. FRIZMAN
IN THE CONTEXT OF MONOGRAPHS BY E. M. VASYLIEV,
T. I. HUNDOROVA, B. F. EGOROV, V. B. MUSIY, AND OTHERS**

Luiza Oliander

orcid.org/0000-0001-8744-4568

olk32@ukr.net

Slavic Philology Department

Lesia Ukrainka Eastern European National University

Vynnychenka str., 30A, 43025, Lutsk, Ukraine

Abstract. Based on the books by O. Bogdanova, L. Frizman, and others, the article under studies deals with the issue of the modifications of the genre of *view* due to the upgrade of scientific narrative in Russian and Ukrainian Literary Studies of the early XX century. The order of the monographs, for their genre analysis, may be substantiated by two factors: 1) the genre of *view* is the term, introduced by the authors – a) directly (O. Bogdanova, L. Frizman), b) the choice has been stipulated by the fact that the genre of O. Bogdanova’s and L. Frizman’s monographs is defined as *view* by their authors, whereas in the works by E. Vasyliiev, B. Egorova, and V. Musiy its genre features are distinctly revealed as a discourse; 2) the genre of *view* is determined – a) by the presence of genre signs in the very discourse (E. M. Vasyliiev, T. Hundorova, B. F. Egorov, I. V. Kozlyk, V. B. Musiy, A. A. Stepanova and others), b) implicitly (S. M. Koznacheev). Particular emphasis has been laid on the association of *critics with human experience* (M. Mamardashvili), as well as on the enhancement of personal vision that absorbs the respective experience of a generation. It is essential that, for example, T. Hundorova presents the *author’s ego* in the form of a philosopher comprehending the post-Chornobyl literary-philosophical world perception.

Key Words: association, view, dialogue, genre, discourse, narrative.

References

1. Bogdanova O. V. *Sovremenniy vzglyad na russkuyu literaturu XIX – serediny XX vv.* [Contemporary View on the Russian Literature of the XIX-Mid XX centuries]. Saint Petersburg, 2017, 560 p. (in Russian).
2. Burago S. B. *Nabeg iazychestva na rubezhe vekov* [The Paganism Incursion at the Turn of the Century]. Kyiv, 2013, 672 p. (in Russian).
3. Vasyliiev E. M. *Suchasna dramaturhiia: zhanrovi transformatsii, modyfikatsii, novatsii* [Modern Drama: Genre Transformations, Modifications, Innovations]. Lutsk, 2017, 532 p. (in Ukrainian).
4. Hundorova T. I. *Pisliachornobyl's'ka biblioteka. Ukraïns'kyi literaturnyi postmodernizm* [Post-Chornobyl Library. Ukrainian Literary Postmodernism]. – Kyiv, 2013, 344 p. (in Ukrainian).
5. Egorov B. F. *O masterstve literaturnoi kritiki. Zhanry. Kompozitsiia* [On the Excellence of Literary Critics. Genres. Composition]. Leningard, 1980, 316 p. (in Russian).
6. Egorov B. F. *Ot Khomiakova do Lotmana* [From Khomyakov to Lotman]. Moscow, 2003, 363 p. (in Russian).
7. Ermichev A. A. *O prirode russkoi filosofii* [On the Nature of Russian Philosophy]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=9PLsbJ58GeM> (accessed 30 October 2018). (in Russian).
8. Kaznacheev S. M. *Sovremennye russkie poety* [Contemporary Russian Poets]. Moscow, 2006, 304 p. (in Russian).

9. *Literaturoznavchyi slovnyk-dovidnyk* [Dictionary-Directory of Literary Studies]. Kyiv, 1997, 752 p. (in Ukrainian).
10. Losev A. F. *Zhizn' (Povesti, rasskazy, pis'ma)* [Life (Stories, Narratives, Letters)]. Saint Petersburg, 1993. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/LOSEW/life.txt> (accessed 30 October 2018). (in Russian).
11. Mamardashvili M. *Kak ia ponimaiu filosofiiu* [The Way I Understand Philosophy]. Moscow, 1992, 415 p. (in Russian).
12. Musiy V. B. *Obraz "svoego", "inogo", "chuzhogo" v russkoi proze pervoi poloviny XIX veka* [The Image of "mine", "alien", and "different" in the Russian Prose of the Early XX Century]. Odesa, 2011, 168 p. (in Russian).
13. Stepanova A. A. *Poetologiya faustovskoi kul'tury. "Zakat Evropy" Osva'da Shpenglera i literaturnyi protsess 1920–1930-kh gg.* [The Poetics of Faust Culture: "The Decline of the West" by Oswald Spengler and the Literary Process in the 1920s – 1930s]. Dnipropetrovsk, 2013, 496 p. (in Russian).
14. Frizman L. *Ivan Franko: Vzgliad na literaturu* [Ivan Franko: A View on Literature]. Kyiv, 2017, 608 p. (in Russian).
15. Chervinska O. V. *Arhumenty formy* [The Arguments of Form]. Chernivtsi, 2015, 384 p. (in Ukrainian).
16. Chervinska O. V. *Retseptivna poetyka. Istoryko-metodolohichni ta teoretychni zasady* [Receptive Poetics. Historical-Methodological and Theoretical Basics]. Chernivtsi, 2001, 56 p. (in Ukrainian).

Suggested citation

Oliander L. Zhanr "vzgliad" i ego modifikatsiia: monografii O. V. Bogdanovoi i L. G. Frizmana v kontekste monografii E. M. Vasil'eva, T. I. Gundorovoi, B. F. Egorova, V. B. Musii i dr. [The Genre of "View" and Its Modifications: the Monographs by O. V. Bogdanova and L. G. Frizman in the Context of Monographs by E. M. Vasyliiev, T. I. Hundorova, B. F. Egorov, V. B. Musiy, and Others]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2018, no. 98, pp. 342–355. (in Russian). doi: 10.31861/pytlit2018.98.342.

Стаття надійшла до редакції 4.12.2018 р.
Стаття прийнята до друку 17.12.2018 р.